

ГЛАВА ІХ

Отставка

*Съезд народных депутатов • Доклад правительства •
Оппозиция предлагает компромисс • Голосование •
Холостой выстрел президента • Виктор Черномырдин •
Дружба или политика ?*

К КОНЦУ ноября для меня вполне ясно — на предстоящем Съезде народных депутатов смена премьера неизбежна. Конечно, то и дело появляются ходяки от оппозиции и так называемых центристов, обещают поддержку, если я возьму в правительство того или иного из их людей, да заодно соглашусь с отставкой некоторых своих единомышленников.

Особенно энергично требуют голов заместителя премьера, курирующего внешнеэкономические связи и отношения с СНГ А.Шохина, министра внешнеэкономических связей П.Авена, министра экономики А.Нечаева. Именно на их места предлагают альтернативные кандидатуры. Чубайса не трогают, видимо, понимают, что обсуждать со мной тему его отставки и вовсе бессмысленно. Особенно активны А.Вольский и его коллеги по Гражданскому союзу, обещают в обмен поддержку директорского корпуса, широко представленного на Съезде. Откровенно отвечаю и в кулуарах, и публично: для меня подобный торг — за гранью возможного.

По здравом размышлении прихожу к выводу: можно, конечно, попытаться сохранить и после Съезда положение и.о. премьера с еще более ослабленной позицией, при нелояльном Центральном банке и враждебном Верховном Совете, но для дела полезнее добиться утверждения Съездом такого премьера, с которым можно перегруппировать силы и продолжить начатую работу. Предлагаю президенту выбрать второе. Рекомендую кандидатуру Ю.А.Рыжова, академика, российского посла во Франции.

Президент отвечает: — Подумаем. И посмотрим, как пойдет Съезд...

Мощная увертюра Съезда — речь Р.Хасбулатова, во многом базирующаяся на тексте доклада отделения экономики АН и фонда "Реформа". Цитаты оттуда включены целыми блоками. Бесспорно, сильное популистское выступление, рисующее простую и понятную для народных депутатов картину: в России идет борьба между двумя путями развития, один — монетаристский, американский, гадкий, по нему нынешнее правительство пытается тащить страну, другой — социально ориентированный, шведский, спасительный для России, милый сердцу большинства людей...

Съезд заморожен. Как все, оказывается, просто и замечательно! И депутаты в зале многозначительно, с гордостью поглядывают друг на друга: выходит, они вовсе не отраслевые лоббисты, выколачивающие из казны ничем не обеспеченные деньги, и не демагоги, раздающие избирателям невыполнимые обещания. Они — последовательные борцы за установление в России хорошей, шведской модели социализма!

Обычно я просыпаюсь очень рано, но на следующий день еще раньше раздался телефонный звонок президента: Егор Тимурович, надеюсь, дадите отпор этому демагогу?

Утром выступил с итоговым докладом о работе правительства. Но это был не просто итог, а, скорее, осмысление совершенно нового качественного этапа в развитии страны, который начался в августе 1991 года. Поэтому, несколько выбиваясь из стиля книги, все же позволю себе привести стенограмму этого доклада с большими купюрами.

*Уважаемый президент! Уважаемый председатель!
Уважаемые народные депутаты!*

Чутьбольше года тому назад приступило к работе наше правительство. Мы с самого начала представляли себе, какой огромный груз ответственности ложится на наши

плечи. Можно сколько угодно изучать чужой опыт, строить теоретические модели, проводить социологические исследования, изучать болевые точки своей экономики, и все равно никто, пока не начнутся реальные преобразования, не скажет, как отреагирует огромная страна на принципиально новый механизм социально-экономического регулирования. Не произойдет ли сбоев в основных системах жизнеобеспечения, не возникнут ли неконтролируемые социальные конфликты в сверхмилитаризованной, начиненной ядерным оружием стране?

Именно страх перед этой ответственностью сковал энергию последних союзных правительств, послужил основой их бездеятельности и в конце концов привел к краху Союза. Парализующее влияние страха перед этой ответственностью явно сказывалось и на работе первых демократически сформированных органов власти России в течение полутора лет накануне осени 1991 года...

Именно в этой ситуации, когда все уже устали от бесконечных разговоров о реформах, когда всем ясно, что старая система не работает и разваливается на глазах, и стала возможна атмосфера V Съезда, решение президента взять на себя дополнительные полномочия и ответственность за то, чтобы наконец запустить практически процесс реформ.

Придя к рычагам управления в этой ситуации, мы, разумеется, не могли позволить себе и дальше заниматься приятными дискуссиями о том, в какой же последовательности осуществлять преобразования. Тем более, что как специалист могу вас заверить: теоретически выверенного ответа на вопрос, что надо делать дальше, чтобы обеспечить успех реформ, не существует.

В основу своей работы мы положили простой принцип: если старая система управления все равно не работает, в каждый данный момент надо пытаться делать все для того, чтобы запустить рыночный механизм. Исходя из этого, мы и работали на протяжении последнего года. И сейчас можно подвести некоторые первые итоги, проанализировать, что получилось, посмотреть и оценить собственные ошибки, постараться извлечь из них уроки.

Первое и главное, что все-таки удалось сделать, - сдвинуть реформы с мертвой точки, запустить рыночный механизм. Да, он работает еще далеко не совершенно. Да, наш рынок далек от рынка идеальной конкуренции. Без всякого сомнения, он еще обременен рецидивами традиционной административно-командной системы. И вместе с тем, чем дальше, тем более очевидно, что производство начинает реагировать на изменяющийся спрос, что директора начинают в первую очередь заботиться о проблемах сбыта, что деньги выходят на первый план, происходит монетаризация экономики, что при всем несовершенстве нашего потребительского рынка заботы людей о приобретении продуктов в огромных, многочасовых очередях отходят на второй план по сравнению с другими, более серьезными проблемами, которых у них остается достаточно много и которые стали результатом несовершенной, слабой рыночной экономики.

Нашей важнейшей задачей было, запустив этот рыночный механизм, не допустить сбоев в основных принципиальных системах жизнеобеспечения. Вы помните тональность дискуссий осенью прошлого года и здесь, и в прессе, нашей и зарубежной. Ведь обсуждался вопрос не о том, насколько сократится в 1992 году производство танков, минеральных удобрений или даже хлопчатобумажных тканей. Речь шла об угрозе массового голода, холода, паралича транспортных систем, развала государства и общества.

Ничего этого не случилось. Угроза голода и холода не стоит. Мы прошли этот тяжелейший период адаптации к реформам без крупных социальных катаклизмов. При всех разговорах о массовом недовольстве реформами нам удалось сохранить социальную стабильность в стране.

Парадоксально, но факт: за десять месяцев тяжелейших реформ число потерь времени от забастовок в промышленности сократилось в 6 раз по сравнению с 1991 годом. Все труднее вывести людей на митинги, демонстрации протеста. Если в апреле состоялось 152 забастовки со 154 тысячами участников, то в октябре — лишь четыре с тремя тысячами участников. При всей огромной тяжести

преобразований, при всех трудностях того пути, который приходится пройти, российский народ оказался намного умнее и прозорливее, чем о нем думают не слишком уважающие его политики. Он точно понимает необходимость преобразований и готов трудиться, готов работать, а не раскачивать лодку нашего собственного благополучия.

Нашей задачей было обеспечить реальный старт приватизации, перейти от слов к делу. Не всего удалось добиться. Мы немного отстаем от выполнения заданий по программе приватизации на 1992 год, видимо, по объему она не будет выполнена. По тому, как идут дела, ясно, что к концу 1992 года будет приватизировано около 40 тысяч предприятий, то есть мы делаем еще медленные, слабые, но уже реальные шаги к формированию многосекторной экономики.

Проблемой, определяющей то, насколько нам удастся пройти этот год без серьезных, катастрофических катаклизмов, была проблема валюты и взаимодействия с международным финансовым сообществом. Мы вынуждены были начать реформы с нулевыми валютными резервами, с абсолютно неуправляемым союзным долгом, с обязательствами выплатить в 1992 году около 20 миллиардов долларов задолженности, на обеспечение которой не было денег, с острой потребностью в важнейших ресурсах, поступающих по импорту... В результате сложных переговоров нам удалось добиться реальной фактической отсрочки выплаты задолженностей и вместо 20 миллиардов выплатить примерно полтора миллиарда долларов, не остановив вместе с тем ни импорт, ни поток новых кредитов. За год мы получили возможность привлечь примерно 14 миллиардов долларов в виде двусторонних кредитов и кредитов международных финансовых организаций и на этой основе, особенно весной прошлого года, профинансировать критический импорт, в первую очередь импорт зерна, а также медикаментов, ряда важнейших комплектующих изделий. Если бы этой возможности не было, нужно вам сказать честно, угроза голода весной 1992 года была бы абсолютнореальной, а падение поголовья крупного рогатого скота было бы неизбежным.

того скота сейчас составляло бы не 3 процента, а как минимум 40 процентов.

Что в первую очередь не получилось, по нашему мнению?

Наибольшие неудачи постигли нас в области финансовой стабилизации и в области политики укрепления рубля. Мы надеялись, что меры жесткой финансовой и денежной политики позволят из месяца в месяц снижать темпы инфляции, повысить реальный курс рубля по отношению к доллару, зафиксировать его на реалистичном уровне и перейти к конвертируемости рубля по фиксированному курсу.

В течение первых месяцев казалось, что мы близки к достижению этой цели, темпы увеличения денежной массы росли медленно, бюджет был фактически сбалансированным, темпы инфляции от месяца к месяцу снижались, курс рубля к доллару рос. К сожалению, с июня произошло существенное ослабление и кредитно-денежной, и финансовой политики, резко пошли вверх темпы роста денежной массы. За эти 4 месяца она увеличилась почти в 2,5 раза. Естественно, это немедленно сказалось на валютном курсе, сломало тенденцию к его снижению, а с характерным двухмесячным лагом привело и к перелому динамики цен, резкому всплеску их роста, начиная со второй половины августа. Здесь, без всякого сомнения, нас постигла тяжелая неудача, опасная и в сегодняшней ситуации, и для перспектив реформы...

Как выглядит ситуация сегодня? Она действительно очень и очень тяжелая, я бы сказал - критическая. Реальная тяжесть настолько серьезна, что мне трудно понять, зачем помощникам глубокоуважаемого председателя пришлось для ее демонстрации прибегать к цифрам, которые не совсем точно соответствуют действительности. Скажем, посмотрев в статистический сборник, который, я надеюсь, вам роздан, нетрудно убедиться, что спад жилищного строительства за десять месяцев составляет не две трети, а двадцать семь процентов. Нетрудно заметить и то, что капитальные вложения в народное хозяйство составили не 17 миллиардов, а триллион пятьсот

миллионов. На народное образование выделен не 21 миллиард, а 600 миллиардов. И так далее. Я не буду множить список подобного рода недоразумений.

Если необходимо продемонстрировать реальную тяжесть сегодняшнего экономического положения, это можно сделать вполне реальными, соответствующими действительности цифрами. Издесь, пожалуй, самое серьезное — это действительно предельно высокие, очень опасные темпы инфляции. К октябрю, в результате ослабления кредитно-денежной политики, мы вышли на уровень инфляции, соответствующий 25 процентам в месяц. Это уже близко к 50 процентам — технической границе гиперинфляции, когда начинаются резкое ускорение обращения денег, нерегулируемое бегство от них, общее разрушение денежного обращения с фатальными последствиями для целостности экономики и государства. Именно поэтому осуществление последовательной антиинфляционной политики по-прежнему остается важнейшим в деятельности любого ответственного правительства.

Можно, разумеется, приводить и другие пугающие цифры. Но можно увидеть и цифры, свидетельствующие о начавшихся слабых, но позитивных сдвигах, обратить внимание на то, что с августа кризис приобретает все более структурный характер, что на протяжении трех месяцев устойчиво идут вверх темпы производства ряда важнейших товаров народного потребления.

Однако, в общем, дело ведь не в том, чтобы пугать себя страшными цифрами катастрофы или утешать наметившимися позитивными сдвигами. Гораздо важнее ответить на вопрос, что же нам делать для того, чтобы стабилизировать ситуацию, взять ее под контроль, для того, чтобы заложить основы оздоровления экономики.

Во вчерашнем выступлении Руслан Имранович Хасбулатов сформулировал свой диагноз тех альтернатив, которые стоят сегодня перед Россией, того экономико-политического выбора, который предстоит сделать. Суть его такова. Есть две модели: монетаристская американская и социально ориентированная европейская (скандинавская). Надо выбрать, в каком обществе мы хотим жить

(в скандинавском или американском), и, исходя из этого, строить экономическую политику в России в ближайшее время.

При всем желании мне пока очень трудно соотнести эту альтернативу с теми тяжелыми практическими проблемами, которые каждый день приходится решать российской экономике...

Конечно, если мы будем очень хорошо и очень успешно работать, сумеем сформировать многосекторную экономику, покончить с всевластием чиновничества, всерьез открыть широкую дорогу предпринимательству, интеграции нашей страны в мировой рынок, то через три-пять лет, может быть, нам действительно придется обсуждать, какой же мы хотим иметь тип общества - американский или скандинавский. Пока, к сожалению, я не могу столь высоко оценить результаты нашей работы.

Попробуем, однако, сосредоточиться на тех практических вопросах, по которым у нас возникают разногласия с Верховным Советом. Естественно, что, во-первых, они возникают в связи с утверждением бюджета на 1992 год. Верховный Совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 миллиардов рублей. Что это - социально ориентированная политика и рыночная экономика? Результатом является резкое обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, резкое увеличение денежной массы с июля-августа и ускорение инфляции начиная со второй половины августа. Если это называется социально ориентированной рыночной экономикой, то, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу. Подобного рода решения, к сожалению, изучают совсем в другом разделе теории, там, где речь идет об экономике популизма, о проблемах хронической бедности и застойной слаборазвитости...

Реальная дилемма, которая стоит сегодня перед нашим обществом, к сожалению, гораздо более тяжела и драматична, чем выбор между американской и скандинавской моделями. Преступное промедление с давно назревшей

структурной перестройкой экономики, с проведением назревших экономических реформ тянет, тащит нашу экономику вниз, в пучину слаборазвитости. Мощная, но страшно милитаризованная, обремененная архаичной структурой экономика пытается выбраться из этого кризиса. Куда мы пойдём? Сумеет ли вытасщить нашу страну из слаборазвитости, сумеем ли взять твердый курс на присоединение к сообществу цивилизованных рыночных государств? А потом уже будем выбирать, хотим мы иметь высокие налоги и обильные социальные программы или низкие налоги и "дешевое" государство. Или все-таки инерция спада, инерция развала потащит нас дальше вниз, к хронически нестабильной финансовой системе, и из-за этого - к предельно низким сбережениям и низким инвестициям, к хиреющему за протекционистским барьером собственному промышленному комплексу, к хронической бедности, а потому - и политической нестабильности, к чередующейся, столь привычной для "третьего мира" плеяде популистских политиков и авторитарных диктаторов. В этом состоит, по моему глубокому убеждению, реальная, гораздо более суровая альтернатива сегодняшней социально-экономической политике в России.

Конечно, очень легко скатиться на первый путь, на путь слаборазвитости. Для этого достаточно втянуться в опасную конфронтацию между различными ветвями власти и замедлить рыночные преобразования. И тогда путь Африки и Латинской Америки будет нам гарантирован.

А вот для того, чтобы уйти с этого опасного пути, требуется гораздо больше. Для этого необходимы точные и четкие ответы на самые острые вопросы, которые стоят сегодня перед нашей экономикой, последовательность и координация действий всех ветвей власти...

Далее в докладе я остановился на самых животрепещущих проблемах текущей политики: на том, что мы делаем для пресечения инфляции и укрепления рубля; на инвестиционных проблемах и вопросах стимулирования коммерческих банков; на задачах агропромышленного комплекса, в том числе +

на развитии фермерского сектора. И конечно же, на вопросах приватизации; на отношениях центра с регионами; на внешнеэкономической деятельности. И подробнее всего — на нашем видении проблем социальной сферы и мерах, которые необходимо здесь проводить в жизнь.

Закончил я доклад следующими словами:

Уважаемые народные депутаты! За столь короткое время, отпущенное мне регламентом, я, разумеется, не имею возможности детально остановиться на всех направлениях работы правительства, на всем, что мы считаем необходимым делать для стабилизации российской экономики. Но еще раз подчеркну, что реальная ситуация, реальные возможности маневра в огромной степени предопределены валютным положением страны, отсутствием резервов, предельно опасной инфляционной ситуацией, деформированной структурой экономики, массой факторов, с которыми придется считаться любым органам власти, хотя бы они этого или нет.

Мы не на широкой площади, где можно спокойно обсуждать, каким путем идти в счастливое будущее. Мы на тоненькой, узенькой тропинке. Только четкое продвижение по ней и может вывести нас из тяжелейшего кризиса, поможет войти в содружество цивилизованных народов. Сорваться с этой тропинки очень просто, если не будет конкретной, конструктивной, созидательной и ответственной работы всех органов власти России. Из этого мы и считаем необходимым исходить в своей работе. Спасибо.

Выступая с докладом, я прежде всего хотел, чтобы депутаты поняли: на смену избранного курса мы не пойдем.

В развернувшейся дискуссии Руслан Хасбулатов выпустил самых сильных ораторов под занавес, именно они должны были доконать правительство. В то время таковыми были Аман Тулеев и Николай Травкин. Председатель Кемеровского облсовета Тулеев выступил с развязной, но яркой речью, рассказал о том, как Гайдар, которого он просил, как отца родного, дать денег на хлеб для Кузбасса, отказал

ему в этом, злодей. Речь произвела впечатление. А вот председатель ДПР, глава администрации Шаховского района Н.Травкин, испытанный боец, ключевой оратор оппозиции, на этот раз подкачал. Накануне в одной из газет появились откровения некой дамы, рассказавшей, как она спала с Хасбулатовым, а вот Травкину заполучить ее не удалось. Травкин начал оправдываться и объяснять, что ему не очень-то и хотелось, а если бы захотелось, то и получилось бы... Критика в адрес правительства оказалась явно смазана.

Новая схватка разгорается вокруг попыток оппозиции протащить через Съезд поправки к Конституции, урезающие права президента. Ее инициаторам кажется, что удача совсем близко, однако не хватает нескольких голосов. Серьезное поражение Р.Хасбулатова, столько шума — и опять ничего. На встрече президента с Советом фракций один из лидеров оппозиции неожиданно выступает с идеей пакетного соглашения, смысл которого в том, что президент будет назначать силовых министров по согласованию с Верховным Советом, а оппозиция даст добро на утверждение Гайдара премьером. Идея абсолютно неожиданная, импровизированная, но президенту она нравится, и он сразу же соглашается.

Перед голосованием по утверждению премьера президент спросил, сколько, по моей оценке, получим голосов. Нужно было, кажется, 524; ответил, что, думаю, не более 450-460, что слова своего они не сдержат. Борис Николаевич пожал плечами — этого не может быть, поддержат 540-550 депутатов. После голосования, подтвердившего мою правоту, я поехал к себе в кабинет на Старую площадь. Позвонил Ельцин, было понятно, что он в тяжелом настроении, любой обман президент переживал очень сильно. Спросил меня: ну что, Егор Тимурович, вы все улыбаетесь? Что теперь будем делать? Ответил, что плакать оснований не вижу, раз они нарушили.

договоренность, буду пока "исполнять обязанности", а там посмотрим.

На следующий день в начале восьмого утра — звонок В.Илюшина, первого помощника президента. Передает его поручение — в 9.30 собрать в малом зале на Старой площади правительство. Ощущение пренеприятнейшее. Провожая меня, Маша вспоминает "Пикник на обочине": "Что, ступил в ведьмин студень?" Прекрасно понимаю, что моя скромная персона — не причина, а повод для нового витка конфронтации.

Срочно собираю совещание членов правительства. Еще есть надежда убедить на нем президента не делать непросчитанных ходов. Но нет, сообщают, что он на заседание не приедет, поедет прямо на Съезд. Звонит Г.Бурбулис, информирует: сейчас зайдет Сергей Михайлович Шахрай, принесет документ, вы не удивляйтесь — это полезное дело, правильное решение. Убеждение в том, что мы и второй ногой — в ведьмин студень, крепнет. В заявлении президент предлагает провести референдум по вопросу о доверии. Либо Съезду, либо ему самому, и в зависимости от его результата провести досрочные выборы. Заявление вполне конституционное, в рамках закона, но, на мой взгляд, весьма плохо подготовленное, а главное — несвоевременное. Апеллировать к народу из-за того, что не утвердили премьером человека, который разморозил цены и с которым ассоциируется очень тяжелый отрезок в жизни страны, — на редкость неудачная идея.

При всем том, уже хорошо зная Бориса Николаевича, понимаю: пытаться в этот момент удержать его за фалды — абсолютно бесполезно, будет то же самое, но только еще хуже. Собираю министров, информирую их о том, что президент принял решение обратиться к народу. Призываю всех соблюдать порядок. Суть совещания: в подведомственных системах не допускать каких бы то ни было провокаций, политическая ситуация крайне серьезная. Реакция

многих отраслевых министров, как я и ожидал, — негативная. В их отраслях и без того кризисное положение, а референдум потребует новых непредусмотренных затрат, и больших. Ясно, что об осмысленной экономической политике в ближайшие месяцы, пока будем готовить и проводить референдум, даже говорить нечего. И каков итог? В экономике — сразу проиграем. Что выиграем в политике — непонятно. Смотрим по телевизору обращение президента, все угрюмо молчат.

Ельцин обвиняет Р.Хасбулатова в том, что тот стал орудием реакционных сил. И предлагает провести референдум. Хасбулатов выходит из зала. Президент, в свою очередь, призывает покинуть зал своих сторонников. Они не предупреждены, колеблются, уходит лишь очень малая часть. Все идет не так, как надо.

Первая тактическая победа оппозиции в этот момент — сохранение кворума, Съезд легитимен, может работать и принимать решения. Оппозицию укололи, чуть напугали, но больно не сделали, и, после минутной растерянности, она консолидируется. В зале подряд появляются: министр безопасности, министр обороны, министр внутренних дел. Выступление В.Баранникова особенно неприятно, он как бы присягает на верность Съезду. Министр обороны и министр внутренних дел говорят нечто невнятное, но уже сам факт их появления вселяет в большинство Съезда уверенность. Создается ощущение, что за президентом нет реальной силы, реальной поддержки. Съезд продолжает работать и принимает одну за другой самые неприятные поправки к Конституции.

Тем временем президент едет на АЗЛК, выступает там перед рабочим коллективом. Мы несколько раз связываемся в течение дня. Сначала у него чувствуется боевой азарт, наступательность. Но он чуткий политик и уже через несколько часов понимает, что выстрел оказался холостым. К нему устремляет-

ся поток "доброжелателей", просят его пересмотреть свое обращение.

Ко мне приезжает Валерий Зорькин, уговаривает ради сохранения гражданского мира в России отказать от поста премьера. Отвечаю, что ради гражданского мира можно отказаться и от большего, но важно быть уверенным, что речь действительно идет о пути к компромиссу, а не о капитуляции. Мой принцип — без крайней нужды никогда не ввязываться в драку, но если уж ввязался — драться до конца, пока есть силы. Если даже сделан очень неудачный шаг, надо постараться исправить его. Главное не дергаться, а действовать последовательно, наращивая свою инициативу. Ясно, что большинство Съезда и сам Хасбулатов откровенно непопулярны в народе. И значит, можно перевести акцент схватки с крайне неудачного вопроса о назначении премьера на другие, значительно более существенные и понятные обществу ориентиры. Важно обеспечить поддержку тех групп, которые традиционно выступают за президента и политику реформ. Поэтому убеждаю Ельцина ни в коем случае не идти на односторонние уступки.

Выступление Зорькина, призывавшего к переговорам исполнительной и законодательной властей при посредничестве Конституционного суда, казалось, открывает дорогу к приемлемому компромиссу. Из переговоров, которыми с президентской стороны реально руководил я, а с парламентской — Николай Рябов, вырисовывается формула соглашения. Основные пункты его выглядят так:

— Съезд отменяет наиболее неприятные из принятых поправок к Конституции.

— Будет проведен официально назначенный референдум по вопросу о доверии президенту и Съезду, который позволит разрубить гордиев узел двоевластия и открыть дорогу досрочным выборам.

— Президент после анализа предложений фракций представит Съезду несколько кандидатур на

пост премьеры, из которых мягким рейтинговым голосованием будут выбраны три, получившие наибольшую поддержку. Затем одну из этих кандидатур президент представит Съезду на утверждение. Если она не будет утверждена Съездом, президент назначит "исполняющего обязанности" премьеры.

В сложившейся тогда ситуации это был максимум возможного. Президент в полной мере сохранял лицо, не отказывался от референдума, получал широкую свободу маневра в выборе премьеры. Б.Ельцин и Р.Хасбулатов на большей части переговоров отсутствовали. Когда же появились, формула уже была в основном выработана и согласована. Я предложил президенту ее поддержать, он согласился. Р.Хасбулатову проект соглашения явно не понравился, но позволить себе оказаться в изоляции и выглядеть противником национального согласия он не мог.

У депутатов из числа наших сторонников соглашение вызвало неподдельный энтузиазм. У оппозиции — уныние. Р.Хасбулатову удалось провести его через Съезд лишь благодаря своему таланту манипулятора. Почти сразу после голосования представители оппозиции устроили ему разнос, обвинив в соглашателстве. Он каялся, объяснял, что "бес попутал". Нам же казалось, что удалось превратить поражение по меньшей мере в почетную ничью. Оставалось решить вопрос о кандидатуре премьеры.

Вечером накануне голосования Борис Николаевич пригласил членов правительства на ужин. Настроение было хорошее, всеми владело ощущение, что страшная гроза неуправляемой конфронтации прошла стороной. Воспользовавшись оживленным разговором коллег, попросил президента поговорить наедине, сказал, что в создавшейся ситуации, особенно после всего произошедшего, считаю, что попытка удержать меня на посту премьеры слишком опасна, она дает дополнительные возможности оппозиции дестабилизировать обстановку. Так как к

этому времени Ю. Рыжов, несмотря на мои уговоры, твердо отказался баллотироваться, предложил выдвинуть и поддержать кандидатуру В. Каданникова, в готовность и способность которого вести последовательную политику реформ верил. Добавил, что в случае его назначения я, мои коллеги сможем остаться в правительстве, продолжить работу. Президент пообещал непременно его выдвинуть и сказал, что будет ориентироваться по ходу голосования.

На следующий день в первоначальный список для голосования были включены кандидатуры секретаря Совета безопасности Ю. Скокова, первого вице-преьера В. Шумейко, вице-преьера В. Черномырдина, В. Каданникова и моя. Ряд предложенных фракциями неприемлемых кандидатов президент отклонил.

По итогам рейтингового голосования больше всего голосов получил Ю. Скоков, чуть меньше — В. Черномырдин и с заметным отставанием — я. В. Каданников, поддержанный Ельциным, в своем выступлении слишком горячо высказался за реформы, а потому сразу выпал из обоймы.

После голосования — беседа с президентом. Юрия Скокова я уже неплохо знал по совместной работе и был твердо убежден: поручить ему руководство еще не вышедшей из младенческого возраста российской рыночной экономикой ни в коем случае нельзя. Он вполне может задушить ее в своих энергичных объятиях. Да и, честно говоря, у меня не было уверенности, что в критических ситуациях он твердо встанет на сторону президента, а не начнет суетиться, маневрировать. Все это я высказал Ельцину. Впоследствии, в апреле 1993 года, мои опасения подтвердились.

К Виктору Степановичу Черномырдину отношение было намного сложнее. С того момента, когда через мою голову президент назначил его вице-премьером, у нас сложились нормальные рабочие контакты. Он занимался своим комплексом, был челове-

ком исполнительным, в общеэкономические вопросы не вступал и, на мой взгляд, неплохо справлялся со своими обязанностями. В премьеры, расталкивая других руками, не рвался и с самого начала сказал, что, если будет необходимо, — снимет свою кандидатуру.

Если бы случай возложил на него руководство российским правительством в конце 1991 года, до начала реформ, он, по всей видимости, повторил бы печальный путь Н. Рыжкова — в Союзе, И. Силаева — в России, В. Фокина — на Украине, В. Кебича — в Белоруссии, людей, близких ему по опыту работы, по ментальности. Все они так и не смогли разорвать пуповину, связывающую их с социалистической экономикой. Конечно, в конце 1992 года ситуация была уже принципиально иной, предстояло продолжать начатое, а не строить новое, и все же... Вспомнилось, с какой жесткостью В. Черномырдин еще в "Газпроме" привел к повиновению вздумавших играть в самостоятельность руководителей газодобывающих объединений. Для монопольной отрасли это был правильный выбор, но не решит ли он повторить его в России?

Сказал президенту, что в создавшейся ситуации не могу сам снять свою кандидатуру, так как не уверен в том, что политика реформ будет продолжена преемником. Но если он все же остановит свой выбор на другой кандидатуре — прошу его отдать предпочтение В. Черномырдину.

После разговора со мной президент пригласил к себе Черномырдина, потом Скокова, потом еще раз меня. Сказал, что разрыв между мной и Черномырдиным по числу набранных голосов слишком велик. Он принял решение рекомендовать на пост премьера Виктора Степановича, просит меня самого снять свою кандидатуру. Я ответил, что, к сожалению, не могу этого сделать, не убежден в том, что Черномырдин сможет удержаться на пути последовательного развития экономических реформ. Хотя из двух ост-

тавшихся кандидатов считаю этот выбор правильным. На Бориса Николаевича было больно смотреть, видно, что решение далось ему нелегко. Очень не хочется к тому же менять всего несколько дней тому назад заявленную позицию о моей поддержке, тем самым демонстрировать слабость. Я еще раз сказал, что готов поддержать назначение Черномырдина, но снять с него бремя выбора, к сожалению, бессилен.

Вернулся в зал на места правительства, сказал собравшимся рядом со мной коллегам, что через несколько минут Борис Николаевич предложит кандидатуру Черномырдина. Депутаты демократических фракций все никак не могли поверить в произошедшее, бросились к Ельцину, уговаривали предложить мою кандидатуру. Он тяжело махнул рукой — решение принято.

После энергичного выступления Черномырдина, где он пообещал построить рынок без базара, провести реформу без обнищания народа, я вышел из зала, поехал готовить передачу дел.

Накануне Съезда члены кабинета сделали заявление о том, что будут участвовать в правительстве только в том случае, если я останусь во главе его. То же самое говорили мне в менее формальной обстановке не входившие в состав правительства члены моей команды, те, кто вместе со мной пришли начинать реформы. Однако после того, как моя отставка стала реальностью, я решил, что тащить их за собой из правительства было бы крайне неразумно. Предстоит тяжелая борьба за сохранение и упрочение реформ, а значит, чем сильнее будут позиции рыночников в российских органах власти, тем лучше.

Собрал коллег, сказал, что полностью освобождаю их от всяких обязательств по солидарным отставкам, считаю возможной их работу в кабинете В.Черномырдина, больше того, прошу некоторых из них, особенно А.Чубайса, непременно остаться и продолжить борьбу.

Встретился с В.Черномырдиным, ввел его в курс дел, которыми он раньше не занимался: финансы, деньги, валюта. Он хотел узнать, на чье мнение в решении этих вопросов можно полагаться. Посоветовались по кадровым вопросам. Откровенно рассказал, что думаю о сильных и слабых сторонах своих коллег. Разумеется, теперь ему самому решать, с кем работать, но все-таки он знает нашу команду намного хуже, может ошибиться, а ведь передаю-то я ему не пивной ларек, а российское правительство. В целом рекомендовал не торопиться с масштабными кадровыми изменениями, но подумать о возможности возвращения в правительство Б.Федорова, в это время российского директора Мирового банка.

Серьезная заноза в человеческих отношениях, связанная с отставкой, пожалуй, только одна — А.Шохин. С Александром мы работали вместе в отделе С.Шаталина в соседних комнатах стекляшки на Профсоюзной, входили в число любимых его учеников, долгие годы дружили домами. Он, без сомнения, сильный, профессиональный специалист по социальным проблемам экономики, таким, как дифференциация доходов, проблемы бедности, сбережения домашних хозяйств. В 1987-1991 годах министр иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе пригласил его к себе экономическим советником, затем руководителем экономического управления МИДа. Был очень рад его назначению летом 1991 года министром труда российского правительства. Чуть позже, осенью, он стал одним из основных разработчиков нашей совместной программы.

В первые месяцы работы нашего правительства ему выпала непростая и неблагодарная роль ответственного за социальную политику, с которой, в рамках возможного, как мне казалось, он справлялся неплохо. Для меня было предельно важно, что в самые критические месяцы социальное направление прикрывает квалифицированный человек, хорошо понимающий общий замысел, границы возможного.

Но к весне 1992 года его отношения с депутатами Верховного Совета предельно накалились, отставки Шохина добивались энергично, напористо. В начале апреля Александр зашел ко мне, описал ситуацию, сказал, что на этом месте ему вряд ли удастся проводить осмысленную политику, да и, скорее всего, он станет одной из первых кадровых жертв. Я согласился, и в процессе реорганизации кабинета вывел его из-под удара, закрепив за ним внешнеэкономический блок и отношения с государствами Содружества. Работы здесь тоже было сверх головы, но не столь политически конфликтной. Он с благодарностью согласился и потом на этом посту неплохо проявил себя в переговорах с государствами СНГ, при подготовке к либерализации внешнеэкономических отношений и при выработке соглашений с кредиторами. Все же и тут его не оставили окончательно в покое, и мне неоднократно приходилось убеждать президента, что отставка Шохина серьезно повредит делу.

Все время совместной работы в правительстве мы регулярно встречались, откровенно обсуждали политические и экономические вопросы, выкраивая время, обычно по ночам, ходили друг к другу в гости. Никак не мог себе представить, что наша дружба окажется заложницей политических пердряг. Но именно это и случилось. Вечером в день моей отставки он зашел ко мне домой, сказал, что давно собирался высказаться откровенно о том, что я, по его мнению, не так делаю, и вот наконец собрался. В переводе на простой язык — дружба с отставным премьером стала обременительной, связывает руки.

Потом, несколько месяцев спустя, когда прошел слух о моем возвращении в правительство, Александр первым позвонил, поздравил. Впрочем, Бог ему судья. Что же до меня, то я по-прежнему с уважением отношусь к его профессионализму, но друга потерял. Наверное, политика и власть действительно

не подспорье добрым человеческим отношениям.

В тот же вечер позвонила очень расстроенная Наина Иосифовна Ельцина. Говорила примерно следующее: вы такие молодые, такие умные, ну придумайте что-нибудь, помогите Борису Николаевичу, он немолодой человек, ему тяжело. Попытался ее успокоить, сказал, как и думал, что ничего не потеряно, все еще впереди.

Утром — звонок от Бориса Николаевича. Он предложил стать его главным экономическим советником. Я ответил, что вынужден отказаться — такое назначение будет слишком стеснять нового премьера, а я очень хорошо понимаю, насколько опасным может быть дублирование в руководстве экономикой, мешать ему не хочу. Помочь же президенту всегда готов без всяких официальных должностей.